

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Этого черного пятна
нет ни на одной
карте

РАЗВЕДКА

41 ГО

ТАЙНЫЙ БУНКЕР АБВЕРА

Александр Александрович Тамоников
Тайный бункер абвера
Серия «Фронтовая разведка 41-
го. Боевая проза Тамоникова»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70257010

Тайный бункер абвера: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-197973-7

Аннотация

Боевые романы о ежедневном подвиге советских фронтовых разведчиков. Поединок силы и духа, когда до переднего края врага всего несколько шагов. Подробности жестоких боев, о которых не рассказывают даже ветераны-участники тех событий.

Капитану Глебу Шубину поручена операция по уничтожению немецкого штабного бункера с важными документами абвера. Однако, для начала разведчику нужно выяснить, где именно находится интересующий командование объект. Это знает один из пленных немцев. Но он до последнего упорствует и молчит. Неожиданно Шубину приходит в голову идея, как разговорить упрямого фашиста. Для этого капитану придется сыграть необычную для себя роль...

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	28
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Тамоников

Тайный бункер абвера

© Тамоников А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Тук, тук, тук – спицы стучали еле слышно, торопливо отсчитывая петли на отполированных палочках. Скрюченные пальцы бабки Анки споро вывязывали то огромные вытянутые петли, то тугие шишки. Полотнище уже спустилось ей на колени – пестрый прямоугольник из ниток разной толщины и цвета. Выходил из-под старых пальцев не носок, не шарф, а какая-то кривая тряпица с несуразным узором.

Во второй комнате заскрипели пружины ее бывшей кровати, которую уже больше года теперь занимал германский офицер Герхард Толле. По половицам зашлепали босые ноги, и от этого тихого звука бабка Анка сжалась в темном углу в комок. Ей хотелось сейчас раствориться в воздухе, уменьшиться до размеров тряпичной куклы или вовсе исчезнуть. Небольшое слабое тельце застыло, голова вжалась в плечи, только пальцы продолжали торопливо отсчитывать петли и узелки. Вязала она на ощупь, ничего не видя, поскольку потеряла зрение после того, как ее избili немецкие оккупан-

ты, еще в начале войны, занимая дома в пригороде Маевска. Тогда бабка Анка кинулась спасать свою любимую корову Ночку от занесенного над ней немецкого штыка. Удар штыка пришелся женщине в висок, отчего на глаза легла серая пелена, которая так и не растаяла ни через месяц, ни через год.

Корову тогда все-таки зарубили и пустили на шницели для офицеров гестапо, которые отмечали очередную победу армии Гитлера. А бабка Анка освоилась и научилась жить на ощупь, отсчитывая в своей добротной избе шаги от кухни до спальни, а оттуда до сенок и колодца во дворе. Считала, стараясь не замечать ноющей боли в груди: некогда о мертвых думать, надо растить, кормить каждый день живых. Вернее, живого – единственного внука Семушку, которого она успела спрятать в печи от гитлеровцев. Остальных внуков бабки Анки вместе со всеми детьми Ленинского района Маевска согнали под вой матерей в крытые брезентом машины и увезли куда-то по южной дороге.

С того дня Анка жила только Семушкой, ради него жила. Слепая скоблила полы в хате, взбивала перины и подушки, стирала в ледяной воде по ночам форму, начищала щеткой сапоги немецким офицерам, которые регулярно размещались в ее большом, построенном тремя сыновьями доме. Сутками она хлопотала, чтобы заработать горстку пшена, полбуханки хлеба или жижу из вскрытой консервной банки офицерского пайка. Все бережно перебирала чуткими пальцами, грела в эмалированной кружке и совала наверх, на по-

лати белой печурки, где обитал Семушка. Она уговорами и строгостью не разрешала шустрому шестилетнему мальчику спускаться оттуда, пока размещенный у старухи очередной офицер валялся на кровати с пышными перинами, где Анка зачала и родила всех своих шестерых детей, или резался в карты с сослуживцами в светлой мастерской ее мужа – столяра-краснодеревщика. Когда немец отбывал на службу в гарнизон, она разрешала наконец Семушке спуститься вниз, а потом и вовсе шептала мальчонке на ухо указания, после которых он стремглав бросался бежать по узким проулкам и улочкам района.

Сейчас Семушка спал у теплой трубы натопленной печи, а Анка в страхе жалась в холодном углу сенок, ни на секунду не останавливая перестук деревянных вязальных спиц. Ноги прошлепали в кухню, раздался звук жадных громких глотков. Гауптшарфюрер¹ Толле выпил два ковша ледяной воды, но от выпитых шести бутылок шнапса за вечер кровь продолжала пульсировать в висках, отдавая болью, а горло окатывала кислая волна изжоги. Тук-тук, чертовы спицы, казалось, стучат ему прямо по воспаленному страшным похмельем мозгу. Толле выругался, отшвырнул ковш, так что он со звоном врезался в белую стену, и кинулся в сенки. Там он схватил в темноте за что-то мягкое, пушистое и с силой рванул к двери. Пинком распахнул дверь, протащил за седые волосы бабушку Анку по крыльцу, по тропинке и с силой от-

¹ Гауптшарфюрер – звание СС, соответствует званию прапорщик.

толкнул к стенке колодца:

– Старая ведьма, чтобы я не слышал тебя и твоего ублюдка. Я сдам тебя в гестапо, если не перестанешь стучать!

Он пнул старуху в мягкий бок, но промахнулся и лишь выбил из ее рук вязанье. Она молчала, превратившись в черный ссутулившийся силуэт. Толле снова выругался и зашагал обратно, шатаясь из стороны в сторону. В полумраке он даже не заметил, как крошечная тень шмыгнула из-за двери под крыльцо. В избе Толле выпил последний глоток алкоголя из походной фляжки, рухнул на перину и забылся в тяжелом дурмане.

Бабка Анка в это время ползала у колодца, пытаясь найти свое вязанье. От удара она не смогла удержать спицы в руках, и рукоделие улетело в сторону. Теперь старая женщина ощупывала каждый сантиметр земли, чтобы найти пропажу. Вдруг тоненький голос над ухом зашептал еле слышно:

– Бабанечка, вот, держи, вязанье под яблоню улетело.

Но старушка охнула в ужасе, ощутив кончиками пальцев повисшие в пустоте петли – спицы вылетели из рядов при падении. За свою жизнь Анка не научилась долго причитать, охать из-за случившегося, только мгновенно находить решение в любой ситуации. Старушка поймала тонкое запястье внука, притянула мальчонку к себе, зашептала на ухо так, чтобы снова не побеспокоить постояльца:

– Семушка, до бани беги, там для веников прутки лежат, сушатся у крылечка. Два самых толстых хватай и неси мне.

Мальчуган охотно кинулся выполнять просьбу любимой бабушки, а Анка проверила рисунок из ниток: кажется, все на месте, полотно не распустилось, но нужно срочно доделать работу.

Рядом задышал Сема, бабуля протянула руку, и в сухонькую ладошку легли два прутика. Анка бережно нанизала петли на новые самодельные спицы и снова принялась за работу. Рядом с ней притулился тоненький Сема, он несколько секунд всматривался в сумраке в белое пятно лица бабушки.

– Бабаня, – маленькая ручка коснулась липкой струйки на ее лице, – у тебя с волосов кровь течет. Я за тряпкой, воды надо, бабаня.

– Тс-с-с, тише, – остановила его Анка, не прекращая свою работу. – Посиди смирно, Семушка. Посиди, я заканчиваю уже, потом до лесу бежать надо будет.

Но Сема никак не мог отвести взгляд от багрового потека. Офицер вырвал Анке клочок седых волос, и теперь из раны на глаза ей текла кровь. Хоть это и не мешало ей, незрячей, работать спицами, поскольку она все равно не видела результатов своей работы, но кожу щипало, рану саднило, а тело ныло после ударов. И все же Анка упорно продолжала трудиться над вязаньем. Внук не удержался, погладил ее по тонкому плечу:

– Больно, бабаня?

Та сухо, как обычно, ответила:

– Потерпеть надо, Семушка. До рассвета вернуться надо

успеть. Смирно сиди, считаю я, не сбивай.

И он снова не выдержал, прошептал больше самому себе:
– Вырасту и убью немца проклятого. Все волосья вырву,
а потом убью его.

Через полчаса ласковое касание разбудило Семушку, ба-
баня сунула ему в ручку готовую работу. Без единого сло-
ва мальчик поднялся и поспешил за калитку. Только теплый
родной запах несколько секунд провисел в воздухе, а потом
растворился в тяжелом предрассветном тумане.

Легкий, невидимый за влажной пеленой, ребенок пробе-
жал по коротким улочкам и уже через десять минут оказался
за чертой города. Раньше Ленинский район города Маевска
был отдельным поселком, но после строительства кирпично-
го завода постепенно границы между поселениями стерлись,
и бывший поселок Красная Горка стал отдаленной город-
ской окраиной. Разгромленные бомбежками заводские ба-
раки, корпуса утыкались прямо в густой хвойный лес, куда
так спешил Семушка. Непрístupные заросли его не пугали,
мальчик успел за год выучить все приметы, по которым на-
до было пробираться в глубину деревьев. Вот обломанный
огромный пень почти с него ростом, потом овраг, покрытый
чертополохом, и, наконец, конечная точка его маршрута –
тугая старая ива у зеленой кромки болота. Сема ловко взо-
брался по тонкому стволу, вытянул руку и всунул бабушки-
но вязанье в выдолбленное углубление в стволе. Под пальца-
ми зашуршал сухой древесный лист. Сема выудил малюсень-

кий сверток из пожелтевшего листика, осторожно раскрыл его. На желтом кусочке горела красным цветом прозрачная капля – леденец монпансье. Правда, мальчик не знал, как называется лакомство, никогда не видел того, кто положил этот подарок в дупло. Он родился за три года до войны и почти не помнил родного брата Сергея, который теперь был связным в партизанском отряде. Все, что Сема знал, так это то, что нужно каждую неделю пробираться к болоту и оставлять для Сергея бабушкино вязанье, а взамен брат оставлял ему неприятные подарки: горстку лесной малины, кусок сушеной зайчатины или маслянистый гриб на толстой ножке. Конфету он оставил впервые, поэтому мальчишка не удержался и лизнул леденец. На секунду закрыл глаза, ощущая невероятную сладость, что растеклась по языку. Но тут же завернул лакомство обратно в обертку, сунул за пазуху и бросился бежать назад. Ему надо успеть вернуться и взобраться на безопасное место на печке до того, как проснется офицер Толле. И только после того как его начищенные бабулей сапоги протопают по крыльцу, можно угостить бабуню невероятным подарком. И тогда на сморщенном, темном от горя лице наконец засветится на несколько секунд тихая улыбка.

Глава 1

Глеб Шубин проснулся словно от толчка, за окном разливался молочный туман, в палате госпиталя все мирно спали в такой час. У капитана военной разведки сон давно стал тонким, будто марля, рвущимся от каждого шороха. Вот и сейчас он пружинисто сел на деревянном настиле, нахмурился от резкой боли в ногах, привычным движением помассировал кожу, пока не утихла волна боли, прислушался к сонной тишине в небе за окном, в коридорах госпиталя и снова провалился в сон.

Второй раз капитан Шубин проснулся, как только по деревянному полу зашаркали знакомые шаги. Его лечащий врач в сопровождении медсестры пошел на осмотр больных, определяя пациентов на выписку. Глеб торопливо вскочил, еле удержался на непослушных ногах, но заставил себя выпрямиться у кровати безо всякой опоры. Разведчик торопливо пригладил волосы, одернул нательную рубашу. При появлении доктора в сером застиранном донельзя халате выпрямил спину и сжал зубы, чтобы не выдать гримасой свои ощущения. Все следы ран на теле, а особенно в области икр, принялись наливать огнем, от прилившей крови казалось, что места, откуда на операции вытащили осколки, прижигают раскаленным железом. И все же капитан Шубин уверенно стоял на ногах, по его спокойному лицу не было видно стра-

даний, лишь мертвенная бледность выдавала ту боль, которую испытывал разведчик.

Врач переходил от кровати к кровати, негромко диктовал медсестре фамилии и указания. За пару шагов до вытянувшегося в струнку Шубина он кивнул, приветствуя:

– А-а-а, капитан Шубин! Ну вольно, вольно уже, мы не на параде.

У Глеба получилось улыбнуться:

– Товарищ военврач, когда меня выпишут? Вы же видите, я почти здоров. Пока доберусь в часть, все до конца зарастет.

Под очками промелькнули лучики морщинок от улыбки, но голос у доктора был строгим:

– Шубин, ложитесь, кальсоны поднимаем.

Глеб, стараясь не застонать от боли при каждом движении, улегся на тонкий матрас из нескольких одеял и послушно за-сучил штанины. Доктор наклонился и коснулся прохладным пальцем багрового пылающего шрама на бедре, а потом еще одного и еще.

– Вот этот шов, этот и еще четыре. Когда они станут красного цвета, спадет опухоль, тогда я буду уверен, что процесс заживления идет как положено. – Он бросил взгляд на огорченное лицо Глеба и продолжил: – Я уже объяснял, товарищ капитан, в ваших силах повлиять на процесс выздоровления. Разрабатывайте ноги, ходите, разминайте каждый день. Не жалейте себя. Кровь должна двигаться по сосудам как можно интенсивнее, и тогда отпущу вас со спокойной совестью

до конца этого месяца.

– Есть разрабатывать, – коротко ответил Глеб и снова стиснул челюсти. При воспоминании о его ежедневных упражнениях тело покрылось холодным потом.

Но когда обход закончился, капитан Шубин снова поднялся и начал отсчитывать шаги. На спине и лбу сразу же выступил влажный пот, от боли и усилий его трясло, вены на висках вздулись, кожа полыхала огнем. И все же он не обращал на эти реакции организма внимания, сосредоточившись на белом прямоугольнике окна в конце коридора – так легче не думать о пульсирующей боли. Глеб не сводил с него взгляда, красно-желтая листва окружающего госпиталь леска становилась все ближе. Когда он смог различить отдельные листья, то разрешил себе несколько секунд отдохнуть и тут же снова продолжил свой путь по коридору. Нельзя расслабляться, никаких палок или костылей, только ходить часами по лестнице, по коридору, между деревьев по лесочку, чтобы кровь разгонялась по телу, а раны, разбухая от ее притока, быстрее заживали. Еще на прошлой неделе разведчик едва смог преодолеть пару ступеней, а сегодня спустился на первый этаж и начал обход еловой полянки. Каждый день тело работало все лучше, а значит, еще неделя мучительных занятий – и его выпишут из госпиталя, возможно, разрешат вернуться на передовую линию фронта, назад в военную разведку. Потому так упорно Глеб преодолевал каждый метр, не болтал с другими выздоравливающими, не дымил само-

крутками и не лежал на кровати, читая боевой листок. Каждый день с обхода до отбоя он тренировал свое тело, возвращал себе утерянную ловкость и силу, изматывая себя многочасовой ходьбой и упражнениями с камнями, которые подбирал на ходу. Разведчик чувствовал внимательные взгляды спиной, затылком, не обращал на них внимания, привыкнув за месяц в госпитале, что вызывает молчаливый интерес у врачей, медсестер и пациентов.

Две пары женских глаз следили за прихрамывающим больным, который так упрямо пробирался между деревьев, останавливаясь лишь для того, чтобы сделать несколько отжиманий от стволов.

– Ну что, Клара, так и не охотула разведчика?

Яркая брюнетка поправила шапочку на пышных локонах:

– Еще успеется, он же совсем плох был, когда привезли.

А сейчас смотри, как расходился.

Ее напарница фыркнула:

– Точно, все лучше и лучше ходит, а потом так и убежит от тебя. Не успеешь глазом моргнуть. На фронт отправят, такие там на вес золота. Разведчик, с орденами, ты же слышала, что про него рассказывали. Он один целый состав генеральский взорвал и выбрался от фашистов живым.

Клара сдула падавшую на глаза челку, наморщила аккуратный носик:

– Слышала, кто он такой. Герой настоящий, поэтому сложно с ним. Ни на кого не смотрит, на разговор не вытя-

нешь. Он же разведчик, а они знаешь сколько тайн хранят. Немецкий зубрит вон целыми днями, готовится. Ну ничего, уж придумаю, как заставить его за мной ухаживать.

Самоуверенная Клара снова сдула упрямую челку вбок, подхватила свежий боевой листок, пачку которых только сегодня доставили в госпиталь, и решительно направилась к выходу из здания. Возле деревьев она без труда нагнала мокрого от пота, дрожащего из-за невероятных усилий Глеба:

– Здравствуйте, товарищ Шубин. Вы так скоро до фронта доберетесь.

Тот лишь кивнул в ответ на шутку, не останавливая мерный ход. Девушка прикусила губу и попробовала еще раз завести разговор, протянув капитану свернутый в трубочку желтый лист:

– Вот, свежий. С фронта сводки, наши немца гонят дальше на запад. Потери большие из-за бомбардировок, правда, но уже Брянский фронт в наступление перешел.

Шубин снова кивнул в ответ, стараясь не сбиться с равномерного отсчета: вдох-выдох, вдох-выдох. От настойчивой Клары не так просто избавиться, она предприняла последнюю попытку разговорить капитана:

– Берите, это я вам принесла почитать. А то вы все словарь мучаете. Отдохнете, отдых для здоровья полезен. И еще мазь я вам положила на койку, на ночь компрессы нужно на раны делать для заживления.

– Спасибо. – Снова лишь короткая благодарность.

От отчаянья Клара прикусила губу, резко развернулась и зашагала прочь. Она не привыкла к такому равнодушию, наоборот, хорошенькая медсестра слыла местной королевой красоты в госпитале, и у нее не было отбою от ухаживаний выздоравливающих рядовых и офицеров. Оттого равнодушие капитана Шубина к маленьким знакам внимания со стороны девушки било вдвойне по ее самолюбию. Глеб на секунду остановился, хотел было окликнуть Клару, понимая, что обидел гордую красавицу. И тут же остановил сам себя: у него нет времени на интриги, романы, каким бы милым ни было личико медсестры, что вьется вокруг него уже вторую неделю, он не откажется от своей цели – как можно быстрее восстановиться и вернуться на фронт. Пока немец оккупирует его родную землю, убивает тысячи невинных людей, нельзя давать себе слабину. От него, от военного разведчика, зависит, как быстро будут разгаданы планы немецких генералов и Красная армия сможет продвинуться вперед. Шубину, конечно, было стыдно, что приходится огорчать девушку, но если бы она видела то, что видел он во время своих вылазок за линию фронта! Распухшие, замученные голодом и холодом сироты, выжженные города и села, братские могилы с тысячами невинных людей – и все это результат оккупации немецкой армией советских территорий. После страшных картин массовой смерти, пыток невинных стариков, женщин у капитана Шубина была только одна мысль – бороться каждый день, каждый час, бить фашистов, гнать их

прочь из родной страны. И пока не кончится война победой Красной армии, нет места ничему другому в его жизни.

– Шубин! Шубин! – От корпуса госпиталя спешил колченогий боец из его палаты. – Давай быстрее назад, там к тебе НКВД приехало.

Глеб мысленно застонал, да как же быстрее, он даже не добрался до конечной цели – забора у дороги, где должен был передохнуть на самодельной лавке и тогда уже пуститься в обратный путь. Но армейская дисциплина превыше всего, даже на лечении, поэтому он сжал зубы так, что выступили бугры челюстей под выбритой до синевы кожей, и изо всех сил заторопился обратно. Только и сам майор НКВД Михаил Снитко уже догадался, что раненого разведчика придется ждать долго, и поспешил ему навстречу. Да и любопытные, что со всех кроватей в палате с интересом уставились на визитера, были ему не нужны при разговоре с Шубиным. Молодцеватый невысокий майор военной разведки специально прибыл в военный госпиталь, чтобы с глазу на глаз поговорить с капитаном Глебом Шубиным, которого он после долгих раздумий выбрал из большого списка разведчиков. Еще месяц назад, получив информацию от агентов в городе Маевске, разведотдел начал разрабатывать операцию. Ее, конечно, согласовали в штабе Брянского фронта, но сразу же на плечи майора особого подразделения легло самое важное задание – найти исполнителя, того, кто сможет реализовать дерзкую операцию. Целый месяц энкавэдэшник си-

дел над личными делами переводчиков, разведчиков – тех, кто отличился доблестью, смелостью и изобретательностью в условиях фронтовой разведки. Ведь фронтовые боевые разведчики – особая категория военных. Они участвуют в разведывательно-диверсионных операциях, а значит, такой боец должен уметь многое: быть метким стрелком, обладать отличной физической формой, владеть немецким, разбираться в картах, уметь закладывать мины и обезвреживать их, разбираться в немецкой технике, чинах, владеть рукопашным боем, искусством маскировки, да и просто мгновенно замечать опасность и устранять ее любым способом. К тому же разведгруппам поручали организовывать секретные операции не только своими силами, но также формировать партизанские отряды для ведения диверсий в немецком тылу. Здесь и с людьми работать надо уметь – убеждать, обучать, чувствовать, что у человека внутри. На такое способен не каждый, только лучшие кадры попадали во фронтовые разведотделы и роты. И все равно после заброски в тыл возвращались единицы, абвер и гестапо тоже не дремали, выявляя разведчиков на задании и беспощадно расправляясь с ними. Недаром потери в прошлом году составили больше половины роты – 27 убитых и 95 человек, пропавших без вести на вражеской территории. Потому майор Снитко провел в теплушке поезда, а потом в кабине попутки почти сутки, чтобы добраться лично и переговорить с подходящим для проведения операции человеком – капитаном разведки Глебом

Шубиным. До этого он лишь видел его личное дело: скучные строчки в характеристике, приказы о награждении, донесения от командиров роты и взвода о проведенных операциях. Сейчас настало время лично познакомиться с парнем. Перед майором вытянулся, стараясь держать выправку, бледный, изможденный молодой мужчина. Темные, слегка волнистые волосы слиплись от пота в кольца на лбу, крупные капли пота покрывали лицо и лоб, а по гимнастерке растеклись темные пятна. Обычное требование – строевая стойка и приветствие по уставу старшего по званию – давалось раненому явно огромными усилиями. И все же он кратко приветствовал посетителя:

– Здравия желаю, товарищ майор. Капитан Шубин по вашему приказанию прибыл.

– Вольно, Шубин, – одобрительно кивнул Снитко, начало знакомства ему понравилось.

Не любил майор, когда фронтовые разведчики начинали кичиться своим особым положением, нарушать устав и воинскую дисциплину. Он считал такое поведение прямой дорогой к саботажу и провалу поручений, потому как в Красной армии все строится на строжайшей дисциплине. От его внимательного взгляда не укрылось, что от напряжения Глеб Шубин едва стоит на ногах. Поэтому объяснил сразу:

– Майор Снитко, командир отдела НКВД штаба второй армии Брянского фронта. Разговор к тебе есть, важный и конфиденциальный. Давай найдем место, где можно погово-

рить спокойно и без свидетелей.

Глеб указал на темный участок между зарослями деревьев:

– Вон там, где большие деревья. От них тень и сырость, а больные предпочитают на солнышке время проводить.

– Идем, капитан, – кивнул Снитко.

Он пошел медленно вперед, на ходу расспрашивая разведчика:

– Ну что, когда назад на фронт, что врачи говорят?

Шубин отрапортовал:

– Неделю я себе срока дал, товарищ майор, на восстановление. Ходить могу, медленно, но могу. Так что пользу принесу на передовой. Месяца мне хватит, чтобы забыть о ранениях.

– Видел у тебя на кровати словарь. Немецкий подтягиваешь?

– Так точно, товарищ майор. – Глеб изо всех сил старался идти наравне с собеседником. – Говорить могу, понимаю речь, но акцент еще есть. Технические термины осваиваю, каждый день учу по пятьсот слов, задачу себе поставил.

– Молодец, – не удержался от похвалы Снитко. – Не теряешь времени зря. Бойцы в госпитале как на курорте обычно себя чувствуют, амуры крутят да болтаются без дела. Нравится мне твой подход к делу, Глеб. Давай сразу вот так буду, по-простому, разговор у меня к тебе важный, а я в поклонах и реверансах не силен.

Они наконец остановились между трех разлапистых елей с почти черными от возраста иголками. Сюда не доносились звуки госпитальной жизни, от земли тянуло сыростью, а под ногами пружинил седой мох. Михаил внимательно взгляделся в лицо разведчика, тот смотрел в ответ открыто, без страха или суеты. Ждал, понимая, что не просто так прибыл майор особого отделения сюда, в госпиталь, ради лишь разговора. Беседа эта будет важной, связанной с ценной информацией и опасным заданием, других у армейской разведки не бывает.

Снитко откашлялся:

– В тридцати километрах отсюда действует временный лагерь для немецких военнопленных, их сюда со всех фронтов свозят, чтобы потом отправить отбывать заключение на зонах. Отрабатывают все, что они натворили на нашей земле.

Голос его вдруг сорвался и осип, даже бывалый майор терял дар речи, когда думал о страшных преступлениях фашистов. Руки у него вдруг задрожали от боли, что он носил глубоко внутри себя, боли от потери близких – дочерей и жены, родителей, которых за один раз уничтожил немецкий бомбардировщик, атаковав эшелон, идущий на юг, в эвакуацию.

Майор быстро взял себя в руки, утопил свое горе внутри и заговорил твердым голосом:

– Среди пленных работают наши агенты, да и сами фрицы готовы за кусок хлеба теперь выдать любые тайны. Но один попался упрямый, молчит, говорить отказывается, хотя ра-

ботали с ним наши лучшие ребята. Без всякой жалости работали, от души. Это офицер гестапо, штабист Андреас Шульц. Когда его взяли в плен, при нем нашли пакет с документами о некоей операции «Вервольф». Знаешь, как переводится?

– Оборотень, человек в чужой шкуре, в образе животного, – ответил капитан.

– Верно, в немецком, я смотрю, ты поднаторел, – одобрительно кивнул энкавэдэшник. – Сейчас я озвучу секретную информацию, и ты должен держать язык за зубами. Не говорить ни невесте, ни товарищу, никому. Понял?

– Так точно, товарищ майор, в разведке у нас всегда режим секретности работает, – отозвался Глеб.

– Так вот, операция «Вервольф» – это засекреченная и для немецких солдат информация, и для рядовых офицеров. Это конспиративный бункер, который построили где-то в центре оккупированной земли. Предназначен для укрытия верхушки немецкого командования на случай внезапной массированной атаки, там же хранятся все документы – планы наступлений и обороны, сведения о передислокации, имена и фамилии агентов абвера, много чего ценного и важного. Мы знаем, что в бункере хранятся очень важные документы, но не знаем одного: где он построен. Шульц на контакт не идет, утверждает, что он всего лишь курьер. Но он вез кодовые документы по конспиративным лесным аэродромам для люфтваффе, а значит, у него был адрес, куда их доставить.

Снитко замолчал, давая Шубину время осмыслить информацию. Потом приблизился почти вплотную и заговорил, перейдя почти на шепот:

– И я приехал сюда, потому что думаю – ты сможешь его разговорить. Я читал твое личное дело, я знаю, что ты мастер военной разведки, а значит, насквозь видишь людей и умеешь с ними разговаривать. Не знаю как, но ты должен его разговорить, убедить выдать местоположение бункера «Вервольф». Пытки, угрозы, лесть, обещания мы уже использовали, в лагере свои специалисты имеются, но им не хватает тонкости, изобретательности, чтобы немца, как малька, наживку поймать. Понимаешь, капитан, о чем я? И обстоятельства сложились удачно: пока ты еще не оправился, хромой, худой, не заподозрит в тебе немец разведчика, не воспримет как угрозу. Чего бояться калеку, который ходит с трудом.

Шубин вспыхнул огнем от такого замечания, по лицу запылали красные пятна. Он сцепил зубы, чтобы не вспылить в ответ и не выкрикнуть: «Я не калека! Я почти здоров». Но субординация, военная выучка и терпение разведчика не позволили ему потерять самообладание. А Снитко вдруг хохотнул и шлепнул его по спине:

– Ну, капитан, не сердчай. Проверка была это, специально тебя уколол, по больному бил. Проверял, можно ли тебя из седла выбить грубым словом. Удержался, молодец. Поэтому я тебя выбрал, Шубин, по твоим делам понятно, что не сдашься, выдюжишь. Зубами будешь скрипеть, жилы рвать,

но выполнишь задачу. Потому что после того, как немца обработаешь, надо будет организовать вылазку по этому адресу. Хоть где он будет находиться, этот бункер, хоть у Гитлера в штанах, но найти его надо будет. Найти, открыть, забрать оттуда документы, а само укрытие уничтожить.

Снитко отступил на шаг, словно давая Глебу наконец свободно вздохнуть:

– Откажешься – пойму. Забудешь наш разговор, и дело с концом. Я уговаривать не буду, тут риск огромный, никаких инструкций нет, потому что не обычная вылазка за языком, а самостоятельная операция. Что и как тебе делать, я подсказать не могу, потому что все, что мы имеем, против Шульца уже было использовано. И мне нужен человек с головой, с волей! И с желанием, с горячим желанием устроить немцам полный ахтунг!

Глеб с сомнением потер подбородок, как же он подберется к пленному немцу? И не просто подберется, а еще и войдет в доверие. Другого пути нет – силовые методы уже использованы и не дали результата. Но Снитко его жест воспринял по-своему. Губы у него обвисли в разочарованной гримасе.

– Не готов, капитан? Боишься, не потянешь такую операцию?

Но Глеб Шубин ответил спокойным, уверенным тоном, не отводя от собеседника твердого взгляда:

– Товарищ майор, я готов участвовать в операции. Нет пока никаких мыслей, даже на каком основании в лагере я ока-

жусь, не понимаю. Но знаю одно: я должен участвовать в ней, это шанс для меня приблизить нас всех еще на один шаг к победе над фашистами. Нет на войне «не хочу» или «не могу», надо хвататься за любую возможность, которая поможет нам одолеть фашистов.

Майор был готов обнять разведчика, хотя, конечно, сдержал свой порыв. В армии принято соблюдать дистанцию между служащими разных званий. Но сам Михаил Снитко был чрезвычайно рад, что не ошибся, увидел между строк личного дела железный характер капитана Шубина и его преданность разведке. Он обрадованно принялся объяснять разведчику план действий:

– Под видом военнопленного в лагерь не попасть, для этого нужен идеальный немецкий. Я думаю, что надо зайти с другой стороны. Не пленный, не надзиратель.

– Тот, кто не участвует в игре ни на чьей стороне, на нейтральной полосе, – подхватил его мысль Шубин и предложил: – Может быть, врач? Белый халат – и сразу к человеку другое отношение, просто так в медицину не попадают, институт надо окончить, образование получить, поэтому к доктору всегда отношение особенное. Сразу ведь понятно, что образованный человек, развитый, выбрал своей профессией оказание помощи людям.

– Верно, верно, – закивал Снитко и вдруг обеспокоенно закрутил головой в сторону лечебного корпуса. – Если мы договорились, то надо торопиться. Через три часа от цен-

тральной площади пойдут продуктовые машины к лагерю, надо на них успеть. Оформить выписку из госпиталя, получить обмундирование для вас и документы. Всего час, товарищ капитан! Надо торопиться! Я буду сопровождать вас до лагеря, но там действовать будете уже самостоятельно согласно легенде. Чтобы не вызвать подозрений и разговоров, мне лучше не появляться рядом с вами.

– Да, конечно, – кивнул Глеб.

Он с усилием начал шагать назад, после небольшого отдыха ноги почти не дрожали, только испарина по-прежнему выступала на лбу. Все мысли о боли, о непослушном теле отошли на второй план, капитану Шубину казалось, что сейчас он сможет прошагать хоть с десятков километров, до того все внутри загорелось от новой поставленной перед ним цели. Он мерно отсчитывал шаги и, слегка задыхаясь, рассуждал вслух:

– В лазарете представите новым доктором, терапевтом, операцию я точно провести не смогу.

– Да, там есть главный врач, он единственный будет знать, кто вы такой, о вашей настоящей роли, – подтвердил майор. – Поставит вас на легкую работу, подстрахует, если будет нужно. У вас всего несколько дней, капитан. Связь можно будет держать через продуктовые машины, я буду ждать от вас зашифрованные доклады каждое четное число. Документы для вас уже есть, остается только вписать звание и специальность в книжку. Прибыли в лагерь после ранения из при-

фронтowego госпиталя.

– Да, да, – Шубин кивал и торопился со всех ног.

Пока Снитко получал на него выписку у врача, Глеб успел собрать с кровати свои нехитрые пожитки: бритву, расческу, вещмешок с запасным нательным бельем и свежими портянками да мазь, которую заботливо положила под подушку Клара, пустую фляжку с вмятиной от пули. Вот и весь его скарб, ничего лишнего, в разведку на территорию врага и этого не берут. Уложив все аккуратно в вещмешок, Шубин спустился вниз, где его уже ждал майор с больничной выпиской в руках. Он кивнул на госпитальное окно над центральным входом:

– Подруга провожает, товарищ Шубин? Красавица какая!

Но Глеб в ответ лишь качнул головой – нет, не хотелось ему хвастаться перед майором женским вниманием. Разведчик, даже не оборачиваясь, знал, кто из окна провожает его за ворота грустным долгим взглядом. Красавица Клара в белом переднике и такой же белой шапочке стояла, прижавшись к стеклу. Она и сама не знала, отчего у нее текут слезы при виде напряженной спины и неуверенной хромающей походки Глеба Шубина, который удалялся по дороге в сторону центра все дальше, уже почти превратившись в крохотную точку. Внутри у девушки было ужасно тоскливо от ее несчастлившегося романа и мысли, что никогда она больше не сможет попытаться вызвать улыбку или восхищенный взгляд у этого молчаливого молодого капитана.

Глава 2

До временного штаба, что расположился в здании бывшего техникума, Шубин добрался уже почти в полуобмороке от нарастающей в ногах боли. Долгая пешая прогулка вымотала его окончательно. И пока Снитко то выбегал с бумагами на крыльцо, то дымил самокрутками со знакомыми офицерами, обсуждая сводки с передовой и поглядывая на своего спутника, Глеб просто сидел на составленной из чурбаков поленице. Он закрыл глаза, старался дышать медленно, отсчитывать каждый вдох и выдох. Этому методу его научили еще на первой вылазке в разведке, чтобы сохранить самообладание, отвлечься от холода или боли, ведь разведчикам приходится иной раз проводить в неудобной позе целые часы. Мерный счет и протяжное дыхание отвлекали внимание от мучительных ощущений, успокаивали и помогали организму быстро восстановиться. Осеннее солнце, словно чувствуя его невидимую боль, ласково гладило теплыми лучами по макушке, по спине, а легкий ветерок сдувал бисер пота со лба. Мимо ходили штабные сотрудники, изредка из открытого окна звенели девичьи голоса и даже доносились откуда-то издалека крики мальчишек и удары мяча. Если не видеть разрушенные здания вокруг, людей в форме, воронки по краям дороги да иссеченные осколками деревья, то могло показаться, что нет сейчас войны вокруг. Он лишь закрыл

глаза на секунду, чтобы передохнуть после обеда во время рабочего перерыва.

Спокойствие прервали вдруг взбудораженные голоса. На крыльцо вылетел пожилой мужчина с нашивками рядового в петлицах. Но, несмотря на звание, он гневно кричал преследующему его ефрейтору:

– Хоть стреляй меня, понял?! Не поеду, сказал, не повезу!

Усатый кругленький ефрейтор бежал за ним на коротких ногах, пытаясь на ходу всучить какие-то документы:

– Ну что ты, что ты, Николаич, чего блажишь-то. Да отведи груз, ну будь человеком. Ну какое «стреляй», что ты глупишь. Нету шоферов, нету, раненых повезли они до поезда. Тута езды всего ничего, к вечеру обратно вертаешься.

В возмущении старик взмахнул левой рукой без кисти, но промахнулся и пустым манжетом выбил бумажки из рук толстячка.

– Да при чем тут дорога, при чем? Ты слышишь меня, что толкую тебе?! Не повезу, не повезу фрицам пайку! У меня сын погиб, в танке сторел, внуки и жена в блокаду померли, да от моего дома фашисты поганые ни кирпича не оставили! Я добровольцем зачем сюда пошел – чтобы против них воевать! И ты мне говоришь харчи этим зверям везти?! Не бывать этому, не поеду! Сдохнут с голодухи, так я наплюю им в хари мертвым. Так и знай, наплюю! Хоть трибунал военный зови сюда, а я не повезу в лагерь груз.

Несчастный ефрейтор принялся собирать желтые наклад-

ные и вполголоса уговаривать разгневанного шофера. Но тот лишь плевал каждый раз и крутил полулысой головой:

– Хоть к черту на рога, все сделаю. Но это – нет!

На их крики в окнах замелькали любопытные лица. На крылечке штаба показался Снитко:

– По какому поводу дискуссия?

Ефрейтор, не желая выдать водителя и навлечь гнев старшего чина, да еще и энкавэдэшника, замолчал, только ниже опустил голову над изрядно смятыми бумажками. Но сам водитель открыто ответил:

– Отказываюсь выполнять приказ начальства – везти продовольственный груз в лагерь для военнопленных.

Шепотки, смех – все вокруг мгновенно замолкло. Возражать офицеру и открыто отказаться выполнять приказ – для армии неслыханная дерзость. И виновник стоял потому, упрямо наклонив свою голову с седыми нитями волос, готовясь принять любое наказание за свой проступок. Любопытствующие смотрели со всех сторон, как же накажет майор взбунтовавшегося водителя. Но Снитко вдруг мягко похлопал старика по плечу:

– Эх, отец, как человек тебя понимаю. Сам остался без семьи, а тут, – майор коснулся груди слева, – будто осколок вместо сердца. Взял бы табельное да и каждому в лицо всю обойму выпустил. Только ведь мы не одни такие с тобой, все вокруг такие. Поэтому нельзя в зверя превращаться, такими, как фашисты, нельзя становиться. Пускай теперь живут

и всю жизнь мучаются из-за своих поступков. Понимаешь? – Он не отводил цепкого взгляда от лица старика. – Смерть для них облегчение, слишком просто. Пускай живут, каждый день думают и искупают свою вину до конца жизни. И по законам военного трибунала будут расстреляны или осуждены и сосланы в лагерь. Будут нашу разрушенную родину восстанавливать своими руками. Не надо им жизнь облегчать, убивать, голодом морить, устроим мы фашистам муку страшную на всю жизнь. Так, чтобы они пожалели, что выжили.

Старик молча выдернул документы у ефрейтора из пальцев и зашагал к своей полutorке, доверху нагруженной мешками и ящиками. Он с остервенением вцепился в рукоятку, крутил ее до тех пор, пока мотор не зачихал от его усилий. Грузовичок задрожал, а Снитко подставил крепкий локоть Глебу:

– Ну-ка, давай, доктор Шубин, поднимайся.

Он ловко подхватил слабого разведчика, повел к машине и на ходу зашептал:

– Значит, так, я сойду у соседнего поселка. Документы у тебя на доктора Шубина, главврач знает о задании. Для остальных ты официально после ранения прибыл на новое место службы. Едешь okazjiей с продуктовой машиной до самого лагеря, начальник лагеря Свистельникова Мария. Завтра жду доклада, передашь с машиной шифровку. Она ходит раз в сутки, вечером из лагеря, в обед там. Любую информацию, что получишь от Шульца, передавай мне. Времени ма-

ло, капитан, делай все возможное, чтобы он заговорил. Приказ ясен?

Глеб едва успел кивнуть, как крепкая рука потащила его вверх по ступеням кабины.

– Ну-ка, отец, давай к тебе молодого специалиста в кабину, в тепло. А я в кузове прокачусь, тут недалеко. – И майор Снитко, не дав младшему по чину возразить ему, в два прыжка взобрался на груды из мешков. Там он поднял ворот шинели, чтобы защититься от ветра. Затем протиснулся в щель между ящиками, чтобы поменьше взлетать на ухабах, и ненадолго прикрыл глаза. Нечасто бывает возможность у майора НКВД передохнуть хотя бы четверть часа, потому использовать надо каждую минуту дороги. Подремать ему не давала тревога, которая, как холодный камень, тянула в груди. Он, хоть и не выдал себя ни одним словом или движением, до сих пор сомневался – а правильно ли выбрал капитана Шубина для выполнения сложного задания? Да, парень подходит по всем статьям, полон энтузиазма и желания провести операцию. Но вот сможет ли, хватит ли сил после недавнего ранения? Пока они шли к штабу, вернее, почти брели, Михаил посматривал на мокрого от усилий Шубина и сомнение в нем росло. С таким трудом ему дается каждый шаг, неужели выдержит? Ну ладно в лагере, там будут для него условия – питание, теплое помещение для отдыха, – а вот потом на задании как он перенесет долгие часы в лесу или многочасовой переход на территорию врага? За неделю

снова вернуть себе былую силу не успеет, да и получится ли разговорить Шульца? Энкавэдэшник из своего опыта знал, когда не в порядке тело, болеет и ослабело, голова следом перестает работать. Все силы уходят на простые процессы – поспать, поесть, добраться до клозета, – организм требует восстановления, сытной еды и много-много сна. Но от покачивания мешков и тихого громыхания железных шайб консервов в ящиках усталость сморила майора. Ему показалось, что он сомкнул веки лишь на секунду, и не понял, что крепко уснул в своем укрытии, несмотря на холодный пронизывающий ветер, который свистел над головой от быстрой езды.

Полуторка ловко петляла между воронками, объезжала глубокую колею после танков, шустро карабкалась по взгоркам. Глеб уважительно сказал водителю:

– Как слушается вас машина, приспособились без пальцев руль держать.

Тот кивнул, по-прежнему мрачный из-за недавней ссоры: – А то, считай, с самого начала войны шоферу. Да и раньше возил одного наркомовского в центре областном. Жена, сын на инженера в Ленинграде выучился, внучата. Все как у людей было, счастливый я был. Немец все испортил, Гитлер поганый. Как про войну узнали по радио, жена первым поездом бросилась в Ленинград, хотела помочь сыну, забрать их к нам. Да там в блокаду и попала, я специально водителем пошел служить, хоть мне по возрасту отказ был в военкомате. Упросил военкома, потом командира, потом писал

каждый день заявления о переводе, пока меня на ладожскую дорогу не перевели. По льду возили продукты, а обратно – людей в эвакуацию. Надеялся я, что получится своих отыскать, вытащить их из блокады. Не спал по трое суток, в рейс, в рейс. Чуть бомбежка стихнет, и ползешь по ледку, прислушиваешься, не ломается ли. Тонул два раза, под бомбы попал, вот тогда без пальцев остался. Пока нашли нас, пока вытащили, а я от контузии на бок упал и руку-то придавил. Пришлось отнять пальцы, отморозил. Пока до госпиталя довели, уж только резать осталось. В больничке-то меня похоронки и догнали, погибли в той бомбежке и жена, и внуки, и невестка. Чуть-чуть я не успел до них доехать. Сын в танке сгорел. Была семья, да за месяц сгинула.

Водитель замолчал, остервенело выкручивая руль на поворотах и изгибах дороги. По лицу его текли мутные дорожки слез, старик не стеснялся их. Он привык, что почти каждый день вспоминает родных и каждый раз не может удержать своего горя, не заживает рана в душе, истекает вот такой соленой прозрачной кровью. Он с тоской продолжил рассказывать о себе молчаливому попутчику:

– Как вспомню детишек, стариков, женщин, которых вез. Скелеты, иные и ходить уж не могли, до того оголодали. И мои так же медленно умирали, мучались каждый день, каждый час от голода. Ну как мне после такого этим зверям-фрицам продукты везти? Я бы их на мороз голыми выгнал и по лесу гонял. А потом из коры кусок хлеба на всех! И так каж-

дый день, вот тогда узнают, поймут, как они людей мучили, что они делали, как издевались над ними! – Он с отчаянием в голосе поделился тяжелыми мыслями: – Я уже думал и яду достать крысиного, насыпать им в муку или крупу, пускай подохнут сволочуги в муках. Посадят меня, да и ладно, жить не для чего. Только ведь наши ребята из охраны тоже отравятся, не хочу я такого расклада. В зверя я превратился, в чудовище. Был человек, а сейчас... убил бы без жалости каждого фрица поганого своими руками. Вот таким стал, без любви, без семьи.

Сидевший тихо разведчик внезапно повернул к нему голову и кивнул:

– Точно, это правильно! Еда отравленная – это правильно. – И снова ушел в раздумья.

Водитель отрицательно покачал головой:

– Не смогу я, женщины из охраны там в госпитале питаются. Не убивец я, дорогой товарищ, не могу. Так уж воспитали. Хоть и считаю, что фашистскому зверю надо те же мучения устроить, какие и наши дети, жены, родители испытали. Третий год их гоним с нашей земли и выгнать не можем. Хотели рабами нас сделать. И как им это в голову пришло?! Гитлер их сумасшедший, а за ним миллионы идут. Вот как так, все же люди, человеки, как им мозги он дурит, я вот не пойму никак. Неужели нравится им убивать невинных? Ведь у самих ребятинки есть, жены дома ждут.

Старик продолжал рассуждать вслух, выплескивая на слу-

чайного собеседника свои горестные мысли, а разведчик лишь кивал в ответ. Он почти не слышал слова водителя. Собственные мысли заглушали и шум мотора, и сетования старика, а кивал Глеб в такт своей догадке: «Отравить паек в блоке, не смертельно, но чтобы стало совсем худо. Отравить и вылечить. Если на этого Шульца не действует страх или побои, то зайдем с другого конца. С благодарности, с хорошего, с помощи. Он заболит, а я вылечу. Хороший врач, который помог выжить пленному, тогда он будет доверять и начнет общаться. Убедить его, что Германия проиграла, что нет больше шансов освободиться, или, наоборот, пообещать устроить побег к своим в обмен на ценную информацию. Главное – добиться его доверия, стать для него спасителем».

Грузовичок затормозил у указателя перед поворотом, водитель стукнул по задней стенке кабины:

– Товарищ майор, ваша остановка.

Позади загремели шаги, за стеклом с потеками от дождя показался майор Снитко. Он поймал взгляд Шубина и кивнул:

– Спасибо, товарищи, что подбросили. Счастливого пути. – И зашагал уверенной, отработанной на плацу походкой.

Старик проводил его взглядом и выжал газ до упора, так что его полуторка рванула по дороге вперед. С каждым оставленным позади метром морщинистое лицо становилось все мрачнее. Вот показалась колючая проволока, деревян-

ные бараки и вокруг них – серая масса из людей. Шинели и обмундирование на пленных были такими грязными и оборванными, что разобрать звания или род войск по знакам различия, да еще и на ходу, было совсем невозможно. Военнопленные таскали бревна, обтесывали доски, копали ямы на территории, сооружая еще бараки для следующего пополнения. Лица их были серыми от грязи, одинаково унылыми и печальными. Здесь, в плену, за ограждением, в холодных, наспех сооруженных зданиях бывшие военные начали понимать, куда привело их слепое служение Гитлеру. При виде машины стройка на секунду замедлилась, а затем снова зашевелилась, как огромная серая тысяченожка.

Грузовик остановился у больших ворот, но после проверки документов проехал внутрь. Возле небольшого сарая их встретила маленькая фигурка в огромной телогрейке и сапогах. Сначала Шубину показалось, что перед ним ребенок. Только когда он вылез из кабины и рассмотрел лицо под большим вязаным платком, то понял, что груз принимает маленькая худощавая женщина лет сорока. Она взглянула на его раскрытую армейскую книжку:

– Здравствуйте, доктор. Меня предупредили, что вы придете. Как добрались? – Женщина кивнула двум пленным в ватниках и коротко приказала на немецком перетаскивать мешки и ящики в сарай. Сама с карандашом и бумагами встала рядом, чтобы отсчитывать единицы груза.

Глеб Шубин тихо ответил:

– Все нормально. – И начал осматриваться по сторонам.

В двадцати метрах от сарая белела надпись «Медицинский пункт» на точно таком же строении, но с окнами. Дальше, посередине территории, тянулась темная цепочка из барачков для пленных. Женщина, не отрывая глаз от плывущих в воздухе мешков, представилась:

– Лейтенант Свистельникова, лучше Мария Трофимовна, тем более вы меня и по званию старше. Правильно смотрите, это ваша вотчина – лазарет. Он же хозблок, он же сторожка для дежурных, девчата забегают погреться, чаю попить. Сейчас разберусь с продовольствием и тоже вас чаем угощу, как раз настоится на печи.

Седовласый водитель долго смотрел, как понурые фигуры таскают ящики в сарай, и не выдержал:

– У вас что же, тут одни женщины в охране, как же так? Вы же без всякого оружия, товарищ начальник? А если сбегут или нападут? Фашисты ведь, преступники, от них ничего хорошего не жди.

Свистельникова грустно улыбнулась:

– Куда им бежать, кругом лес. Здесь хоть какие-то маломальские условия для жизни. А обратно к своим уйти... Да знаете, я ведь разговариваю с ними, благо немецкий в институте хорошо преподавали. Так вот, многие – совсем обычные люди, которые испугались за своих родных или запутались, были сбиты с толку гитлеровской пропагандой. Возвращаться и вставать в ряды фашистской армии они не хотят. Рас-

каиваются, желают испугать вину. Мы летом даже выезжали с ними на огороды к местному населению, чтобы помогать вспахивать поля под посевы. Ни одного случая побега или саботажа. Дежурным положены винтовки, но стрелять ни разу не приходилось.

До конца погрузки водитель больше не произнес ни слова. Хоть и смотрел на военнопленных исподлобья, но все же ненависть в его глазах вдруг угасла. Старик ехал и ждал, что увидит зверей, кровожадных, безумных, а вместо этого его встретили сломленные, испуганные своими же ошибками обычные люди. В обмотках, тощие, как воробьи, серые от усталости и грязи, они вызывали жалость, а не злость. Оттого старик был совсем обескуражен, он отказался от предложения начальника лагеря согреться чаем перед обратной дорогой. Только буркнул на прощанье что-то под нос и лихо вырулил за ворота, а затем рванул по дороге, теперь не поворачивая головы на серую, движущуюся без остановки массу за колючим ограждением.

Мария Трофимовна устало махнула рукой в сторону фельдшерского пункта:

– Ну, давайте в тепло, выпьем чаю и все обсудим, пока дежурные не пришли на перерыв.

Шубин прошел за ней в небольшую постройку, где женщина сняла ватник и платок, засуетилась у горячей печки. А он удивленно посмотрел на ее голову. Когда начальник лагеря скинула громоздкое верхнее одеяние, капитан понял, что

женщине едва чуть больше тридцати лет. Возраст ей прибавляли глубокие морщины-заломы вокруг глаз, на лбу и абсолютно седые волосы. Она же, не поворачиваясь к нему, разливала крепкий чай по эмалированным кружкам и вдруг ответила на немой вопрос, который не высказал Шубин:

– Это от нервов. – Она поставила на обструганный стол кружки, рядом уложила по кусочку рафинада. Коснулась белых волос. – В июне сорок первого была брюнеткой, а через два года вот такой стала. Проводила операции. Правда, я по специальности педиатр. – Она перехватила удивленный взгляд разведчика. – Пришлось срочно переквалифицироваться в военно-полевого хирурга. Потом была заместителем главного врача санитарного эшелона полтора года, потом бомбардировка и ранение. Сейчас вот здесь, но прошусь на фронт. Не берут. – Горькая гримаса искривила лицо женщины. Она подняла кружку с чаем, где жидкости было налито всего лишь до середины. Но все равно теплая жидкость так и норовила выплеснуться на стол, до того сильно дрожали руки Марии Трофимовны. Она снова криво улыбнулась, скрывая горечь. – Осколочное ранение головы, и вот такие последствия – седина и тремор.

Она медленно поднесла кружку к губам, поймала пляшущий край, сделала глоток. Потом выудила из складок грубой юбки глазированный пряник, положила на стол:

– Глеб, можно буду вас так называть?

Шубин молча кивнул, он никак не мог оправиться от шо-

ка, глядя на абсолютно седую женщину. А Мария Трофимовна попросила его уже спокойным тоном:

– Можете разрезать на шестнадцать частей? Я с таким заданием пока не справляюсь. Это угощение для девчат от меня. У меня сегодня день рождения. – Кажется, Мария Трофимовна умела читать мысли в голове у людей. – Тридцать три исполнилось, забавная дата.

Пока Шубин колдовал большим тесаком над скромным угощением, она принялась рассказывать об устройстве лагеря:

– Заключенные живут в бараках, еду им готовят здесь на печке двое дежурных, остальные из наряда смотрят за заключенными. Работаем в две смены, одна бригада отдыхает, нам в соседней деревне выделена изба, а вторая – дежурит по лагерю. Пока в этой постройке и лазарет, и инфекционный блок, операционная, дежурка для охраны и кухня. Заключенные строят еще бараки, потому что мест не хватает, почти каждую неделю прибывает пополнение.

Свистельникова вдруг села напротив разведчика и открыто взглянула ему в глаза:

– Глеб, я врач, обычный человек, не умею хитрить. Я знаю, для чего вы прибыли, до вас приезжали товарищи из НКВД. Но от Шульца не смогли ничего добиться. Скажите, что необходимо, я все сделаю, чтобы помочь. Разместить вас пока сможем только здесь, у меня почти вся охрана из женщин, понимаете. Девчатам неудобно будет проживать вместе

с женщиной в одной избе, а сюда они забегают во время дежурства обогреться, пообедать. Больные редко бывают, вернее, обращаются-то каждый день с жалобами, но обеспечение медицинскими средствами совсем скудное – перевязочный материал и марганцовка. На фронте лекарства нужнее, здесь обходимся без них. Вы не переживайте, с больными я разберусь, все-таки детей раньше лечила. Выполняйте вашу задачу. Ко мне вопросы или просьбы есть?

Наконец Шубин смог заговорить, преодолев смущение перед этой необычной женщиной:

– Расскажите мне про распорядок в лагере, как питаются пленные?

Мария Трофимовна не смогла скрыть удивление от неожиданного вопроса, пожала плечами:

– Да как обычно, кашеварим из того, что привозят. Вот прямо на этой печке. Есть несколько помощников среди заключенных, помогают девчатам, им тяжело ворочать ведра. Ну вот утром кашу сварили из остатков круп, склад пустой. Обед пропустили, выдали всем сухарей. С питанием ненамного лучше, чем с медикаментами. Сейчас пойду на склад – распределю довольствие на месяц. Утром хлеб даем, если есть возможность – кашу, днем – жидкое, а вечером чай с сухарями. Хлеб подвозят почти каждую неделю, если есть возможность.

Шубин, наклонив голову, задумался.

– А офицеры, они отдельно питаются? – наконец спросил

он. – Ведь Андреас Шульц – важная фигура в гестапо, служил в штабе.

Свистельникова усмехнулась:

– Был, в плену всю важность растерял. Тут нет штаба или деления на чины, у всех военнопленных равные права. Хотя, конечно, офицеры стараются держаться подальше от рядовых и низших по званию. В немецкой армии с этим строго, офицеры считают рядовых деревенскими дурачками и смотрят на них свысока. Они даже в одном бараке объединились из-за своего бывшего офицерства, хотя глупость несусветная – условия там ничем не отличаются от других.

Разведчик встрепенулся:

– А мы можем устроить им отдельный стол?

Начлагеря нахмурила брови:

– Я понимаю, товарищ Шубин, что вам надо любыми способами добиться от Шульца откровенности, но так и знайте, что этого кумовства и подхалимства не одобряю. Во-первых, у нас нет средств кормить его по-особенному, во-вторых, после такого этот Шульц точно почувствует себя важной птицей.

– Нет, нет, – заторопился Глеб, желая объяснить свою задумку. – Я вот знаете что подумал. Ведь пытали Шульца уже, разными способами пробовали выведать информацию. Только он понимает, что пока не выдал ее, не признался, его никто жизни не лишит, не расстреляет. А вот если его до смерти напугать, так, чтобы он понял, вот она, смерть, со-

всем рядом. И чтобы рядом оказался спаситель, врач. Он такому человеку сразу начнет доверять.

– Мысль хорошая, это я вам как врач говорю. – У женщины мелькнула тень улыбки на лице. – Но все больше слова, а что конкретно требуется от нас? Я почему вас тороплю, товарищ капитан, ведь скоро дежурные придут на перерыв и говорить вот так открыто мы с вами не сможем. Я вас представлю как нашего нового лагерного врача. Девчата, конечно, хорошие, но и любопытные, соскучились по общению. Так что готовьтесь, завалят вас вопросами. Потому и тороплю вас с решением.

Шубин зачастил сразу, не подбирая уже слова:

– Кашу отравить я хочу, это я когда с водителем ехал, мне мысль пришла... в общем неважно. Надо отдельный паек Шульцу приготовить и отравить его, не сильно, но так, чтобы он попал в лазарет, чтобы испугался. Здесь немцу окажут помощь, лечение, ему легче станет, и он тогда расслабится. Сменить надо условия, давление убрать, чтобы Шульц решил, что мы к нему потеряли интерес.

Собеседница едва успела кивнуть:

– Поняла вас, я знаю, как это устроить.

Как вдруг дверь скрипнула и с шумом ввалились в избу три девушки в огромных ватных куртках, штанах и сапогах. Их шумный разговор мгновенно стих при виде незнакомца. Охранницы лагеря с любопытством рассматривали Глеба и не решались шагнуть к печи. Мария Трофимовна принялась

натягивать верхнюю одежду.

– Познакомьтесь, наш новый врач, товарищ Шубин. Прошу любить и жаловать. Проходите, не стесняйтесь, чай горячий стоит на печи. Пряник в честь именин, каждой по кусочку. А вы, товарищ Шубин, – она указала на проем, прикрытый светлой занавеской, – проходите в лазарет. Вещи там свои разместите, осмотритесь. На вечерний обход пойдем вместе, покажу вам лагерь.

Шубин молча кивнул, его одолела новая волна смущения от любопытных взглядов. Девушки молча принялись за дело, гремели ведрами, плескали водой, посматривая время от времени на прибывшего блестящими от интереса глазами. Чтобы никого не смущать своим присутствием, разведчик прошел за белую занавеску, что отделяла дежурную часть от отделения лазарета.

Здесь его встретила чистота: доски нескольких грубых лавок, заменявших кровати, были оттерты до желтизны, в углу на самодельном столе лежала куча выстиранных отрезков ткани для перевязок да сияли прозрачными боками несколько банок и пузырьков с лекарствами. Шубин присел на лавку, прислонился спиной к теплой от печного жара стене и вдруг мгновенно задремал под мирные звуки – плеск воды, шепот тонких голосов, мерное взвизгивание пил в глубине территории.

Проснулся разведчик от касания чего-то прохладного ко лбу, вскочил и тут же сжался от боли, пронзивший ноги. Зна-

комый голос в темноте спокойно приказал:

– Тише, Глеб, не пугайтесь. Это я, Мария Трофимовна. Пришла вас проведать, а вы горите от лихорадки. – Ее пальцы вдруг ловко стянули сапог за голенище, коснулись пульсирующих огнем рубцов. – Так, на второй ноге то же самое?

Шубин вцепился во второй сапог, не давая его снять проворной женщине:

– Не надо, я... пройдет... подождать надо. Почти уже зажило.

Голос в темноте стал суровым, чиркнула спичка, и вспыхнул огонек керосиновой лампы. Мария Трофимовна строго смотрела на разведчика:

– Я отвечаю за сотни людей, в том числе и за их здоровье. В том числе за ваше. Уж вы-то военный, взрослый человек, ну не ведите себя как ребенок. Думаете, легче мне будет, если вы тут свалитесь с воспалением, вместо того чтобы выполнять задание?

Шубин покрутил головой, как хорошо, что в избе уже темно и начлагеря не видит, как горят от стыда его щеки. Сви-стельникова отвернулась к столу, принялась греметь склянками, стучать камнем, разминая какую-то темную массу на дощечке.

– Снимайте брюки, задирайте кальсоны.

Глеб снова открыл было рот, чтобы запротестовать, но Мария Трофимовна отчеканила, не поворачивая головы:

– Это приказ, а я на данный момент ваш начальник. Не за-

бывайте, мы все-таки в армии. – Она принялась укладывать темную массу на белую ленту перевязки. – Ничего страшного, просто заживляющий компресс из трав, приходится из-за дефицита медикаментов прибегать вот к таким древним методам. Утром сможете компресс снять и обмыть ноги. Теплая вода всегда есть в ведре на печи. Неделя компрессов – и ваши раны заживут, а ноги перестанут беспокоить.

Шубин медленно задрал штанины и отвернулся. Женщина принялась наматывать и фиксировать ленту на его икрах, тихо поясняя:

– Сейчас мы идем на вечерний обход, как раз в барак с офицерским составом, где содержится Шульц. Я приготовила для него особенный ужин, ничего ужасного, но небольшое отравление ему обеспечено. Ночью охрана отведет его к вам, на столе я оставляю слабый раствор марганцовки – дайте ему выпить и помогите, когда начнется рвота. Марганцовка сработает, и организм очистится. Я останусь ночевать здесь, в лагере, на всякий случай. – Она разогнулась и шагнула к выходу из комнаты. – Ну все, закончили, можете одеваться. Жду вас на крыльце. Накидывайте сверху куртку, они все огромного размера – вам тоже подойдет, сейчас вечерами очень сыро.

– Спасибо, спасибо вам за все. – Шубин смог лишь горячо поблагодарить эту хрупкую женщину, которая помогла разведчику во всем, без единой просьбы позаботилась о еде для него, его здоровье, задании.

К сожалению, Мария Трофимовна его не услышала из-за звона металлических дужек ведер. Она насаживала на коромысло большие ведра с ломтями хлеба. Шубин кинулся к ней и перехватил груз. Женщина задумчиво проводила взглядом тяжелые ведра, а потом вдруг расплылась в улыбке:

– Представляете, совсем забыла, каково это – быть слабой. Привыкла все сама и сама, даже не поняла, чего это вы кинулись ведра у меня выдирать из рук. – Она вдруг задорно крутанулась на пятке, закуталась в большую куртку, снятую с гвоздя у двери, и затопала тяжелыми сапогами к крыльцу. – Совсем забыла ведь! У меня муж под два метра, никогда даже авоську из магазина не разрешал нести. А беременную на руках в консультацию носил, представляете?! Потому что у меня ноги отекали и в туфли не влезали. Представляете?! Как я могла такое забыть! Как будто много-много лет назад это со мной было, словно во сне.

Она зашагала смело в темноту, которая была разбавлена лишь огоньками в окнах-щелях барачков да пятном от лампы в руках женщины. Глеб, качаясь под тяжестью полных ведер, шел следом, в паре метров от этого желтого пятна.

Они прошли мимо вытянутых построек, откуда доносился тихий гул разговоров на чужом языке. Каждый раз предупреждая окрик часового с винтовкой, Свистельникова окликала девушек:

– Это Мария Трофимовна, несу вечернюю пайку. Не пугайтесь, со мной наш новый доктор, товарищ Шубин.

Когда Глеб протиснулся с тяжелым коромыслом в первый барак, то разговоры стихли. Снова вопрошающие взгляды со всех сторон, повернутые к нему серые, почти неразличимые в сумраке лица пленных. Мария Трофимовна прошла без всякого страха в самую глубину постройки по узкому проходу между трехъярусных нар, остановилась у последней ячейки. Здесь замерли у своих спальных мест несколько крепких мужчин. Женщина спокойно указала на ведра с кусками хлеба и заговорила на немецком:

– Наш новый доктор рекомендовал выдать усиленный паек в связи с похолоданием. На ужин – хлеб с постным маслом.

Она ухватила одной рукой сразу несколько ломтей из ведра и отдала стоящим военнопленным. От Шубина не укрылось, как небрежным движением Свистельникова сунула кусок, который лежал у железного края и был особо щедро сдобрен маслом, хмурому высокому мужчине, который стоял у крайних нар. Тот схватил и почти мгновенно по-собачьи откусил большую часть серой массы. Со всех сторон к ведрам тянулись руки, но Мария Трофимовна методично раздавала, называя фамилии и количество выданного хлебного довольствия. Когда ведра опустели, женщина кивнула жующим и чавкающим заключенным:

– После ужина отбой.

Они с Шубиным направились к выходу, прошли мимо часовых. Одна из девушек не утерпела и жалобно протянула:

– Как вкусно пахнет масличком, ох, сейчас бы с солью кусочек.

Второй голосок подбодрил ее:

– Ничего, завтра утром после смены картошки дома наварим, наедемся до отвала.

Когда они отошли от деревянного здания на приличное расстояние, Шубин уточнил:

– В остальные бараки не пойдём?

– Быстро вы все схватываете, товарищ Шубин, – усмехнулась женщина. – Да, этот паек только для офицерского барака. Вручить одному Шульцу хлеб с маслом я не могла, иначе он заподозрил бы неладное.

Глеб не смог сдержать восхищения отвагой и тонким умом своей помощницы:

– Спасибо, Мария Трофимовна, вы просто чудо! Понимаю, почему вас муж на руках носит.

А та, сидя на лавке, уже стаскивала сапоги. От усталости женщину мгновенно разморило, хотя от горячей благодарности разведчика на лице мелькнула улыбка.

– Вам спасибо, Глеб, что напомнили мне про мирную жизнь. Забываю иногда обо всем, а ведь будет победа, ради нее все ведь делаем. И будет снова мир и жизнь обычная, как раньше.

Мария Трофимовна с трудом приподнялась с места и взобралась на полаты, сквозь наваливающуюся дрему давая капитану инструкции:

– Часа через два-три он должен попроситься в лазарет, девчонки его приведут и оставят здесь. Осмотрите его – термометрия, пальпация брюшной полости, ну то есть помните живот, посчитайте пульс, язык и глаза посмотрите. Потом марганцовка и вода. Воды побольше. Если что, будьте меня. – И с этими словами женщина провалилась в глубокий сон. Гора забот и ответственности на ее тоненьких плечиках наконец хоть на секунду спала, и наступил короткий перерыв на сон.

Шубин осторожно укрыл миниатюрную фигурку ватником и бесшумно пробрался на свою половину. Ноги почти перестали саднить от боли, компресс, как и обещала Свистельникова, творил чудеса.

Глеб зажег лампу, притушил ее огонек до самого бледного мерцания и уселся на лавку – ждать, когда сработает его замысел.

Глава 3

Правда, среди ночной тишины капитан никак не мог избавиться от мрачных мыслей. До чего же ему жалко бедных девчонок: вместо прогулок с кавалерами, веселых посиделок или безмятежного сна они в грубой одежде обходят территорию в темноте, вздрагивают от сырости, прислушиваются к каждому звуку сотен заключенных за стенками барака. Как же разведчику хотелось, чтобы прямо сейчас закончилась война и они все – девчата из охраны, старый водитель, седая от навалившихся забот Мария Трофимовна – вернулись в свои дома, вспомнили, как они жили раньше и были счастливы в мирное время.

Ждать разведчику пришлось недолго, в ночной тишине раздались шаги и перепуганные голоса. Встревоженные охранницы втащили в избу стонущего, согнувшегося пополам от резей в животе того самого угрюмого немца, что так жадно съел промасленный хлеб.

– Извините, товарищ доктор, тут плохо очень заключенному. Простите, что разбудили вас, – залепетала одна из девушек, еле удерживая на ногах немца, подставив ему свое плечо. – Но он так кричал, всех перебудил. Мы испугались, что вдруг он остальных заразит. Разрешите его у вас в лазарете до утра оставить?

Немец взвыл от рези в животе:

– Хильфе, хильфе, херр доктор!

Шубин перехватил раскачивающееся во все стороны тело, кивнул испуганным девушкам:

– Да, я его госпитализирую, забираю на карантин. – И тут же по-немецки обратился к больному: – Тише, успокойтесь, не надо кричать, так вы только теряете силы. Расскажите, что случилось.

Он помог Шульцу добраться до лежанки за белой занавеской. Тот рухнул на твердые доски и снова застонал от сильной рези в животе. В тусклом свете лампы было видно, как лихорадочно блестят черные глаза на бледном лице. Глеб взял влажную от пота кисть и нащупал нить пульса, потом прошелся пальцами по вздутому животу.

– Давно это началось? Рвота была? В туалет ходили?

На все вопросы заключенный только отрицательно мотал головой, а потом тихо заскулил:

– Спасите, герр доктор, спасите меня. Я не хочу умирать. Помогите мне, ведь вы хороший человек, вы дали нам дополнительное питание.

Шубин взял ветошь и обтер от пота лицо больного, хотя и не испытывал к нему сострадания. Ему не было жаль стонущего, испуганного мужчину, но приходилось изображать сочувствие к больному. Шубин прошел за занавеску, набрал воды в кружку и принялся переливать ее по пустым склянкам, изображая приготовление лекарства.

– Конечно, я вам помогу. Я не оставлю вас в беде, гос-

подин офицер. Так бывает, когда долго плохо питаешься. Может быть, язва или другая желудочная болезнь. Или инфекция, тут кругом антисанитария. В вашем лагере просто ужасные условия содержания, к вашему званию относятся неподобающе. Я буду настаивать на улучшении питания для высших чинов, вы же не обычные деревенские дуралеи, что только и умеют, что топать в марше.

Он капнул какое-то лекарство с резким запахом в воду и поднес эмалированный край к искривленным губам:

– Пейте, герр офицер, пейте.

Тот сделал жадный глоток и снова рухнул на лавку:

– Вы спасете меня, герр доктор? Вы поможете?..

Шубин не спешил давать раствор марганцовки и облегчать мучения Шульца. Он вслух сочувствовал ему, но на самом деле терпеливо выжидал, когда же от спазмов и боли гестаповец совсем потеряет самообладание. Тот вдруг дернулся и фонтаном выдал назад выпитую воду, тут же с протяжным звуком по ногам у него потекла зловонная жидкость.

– О нет, нет, я умираю, Господи, за что?! – снова завыл немец и заметался по лавке. – Какой позор, как это ужасно, я не хочу, не хочу так сдохнуть. Сдохнуть в этом вонючем лагере от поноса! Давайте, доктор, давайте все свои лекарства.

– Ох. – Шубин в ужасе расширил глаза, глядя на жидкости вокруг лавки. – Кажется, у вас кишечная инфекция, у вас кровь в рвоте и в фекалиях! Вам нужно срочное лечение и особенное питание.

– Как, как кровь? Я умираю?.. Я умираю?!. – Шульц как заведенный повторял вопрос, в ужасе ощупывая жижу на одежде.

– Да, да, это очень опасно. – Глеб придерживал больного за плечи, чтобы тот не мог встать и как следует рассмотреть пятна на одежде. – Вас надо отвезти в хорошую больницу, в настоящую больницу, не для заключенных.

Но тот и сам уже оставил попытки подняться из-за сильной рези в желудке, он лишь часто дышал, замерев от осознания кошмарной мысли – смерть совсем близко.

Разведчик отвернулся было, чтобы налить еще воды в кружку и дать перепуганному Шульцу – еще один фонтан рвоты усилит его испуг. Как вдруг его кисти коснулись влажные губы, офицер гестапо силился поцеловать его руку:

– Герр доктор, я умоляю, я прошу вас, спасите меня. Найдите для меня такую больницу. Я все сделаю для вас, я буду молиться до конца жизни о вашем здоровье. Вы ведь хороший человек, прошу, умоляю, спасите!

Шубин едва сдержался, чтобы не вклепать хорошую оплеуху обезумевшему Шульцу. Но лишь молча кинулся из медчасти в сени, схватил ведро, нащупал под лавкой тряпку. Надо немедленно убрать за опроставшимся немцем, не оставлять же это непотребство девочкам из охраны лагеря или дремлющей на печи Марии Трофимовне.

Глеб принялся торопливо смывать зловонную жижу с пола и лавки, лишь бы его не касался больше заключенный. Но

Шульц не унимался, наоборот, молчание врача его напугало еще сильнее.

– Ну что, что, герр доктор, вы поможете мне? Поможете?

Шубин, не поднимаясь с корточек, пробурчал:

– Ну не знаю, вам нужна хорошая больница, лекарства, присмотр врачей. Военнопленным такое не положено.

Влажная рука вцепилась в плечо, и в лицо пахнуло горячее дыхание больного:

– А что, если у меня есть важная информация, герр доктор? Она очень-очень важная, вы себе даже представить не можете, что я знаю. Если я вам все расскажу, тогда вы сможете отправить меня в эту больницу.

Шубин сунул склянку с марганцовкой немцу к лицу, наконец Шульц дозрел и готов расколоться. Теперь надо, чтобы разум пленного заработал ясно, чтобы тот не ошибся, рассказывая секретные сведения.

– Вот, пейте лекарство. – С этими словами разведчик снова вышел из помещения лазарета.

Теперь он неторопливо, крадучись по скрипучим половицам, вынес ведро с грязной водой и вылил жидкость из него на землю. Так же медленно вернулся, тихо переступая и вслушиваясь в мерное дыхание женщины. Не надо торопиться, без спешки, пускай немец еще понервничает, до конца окунется в пучину страха и готов будет отдать что угодно, лишь бы спасти свою жизнь.

При появлении Шубина германский офицер заскулил, как

животное, от непрекращающейся боли в животе и лихорадки, что выворачивала суставы:

– Умоляю, доктор, выслушайте меня. Я клянусь, клянусь, что эта информация секретная. Она важная. Если вы... если передадите ее вашей разведке, то получите орден! Вас сделают генералом! Клянусь, умоляю... Мне так больно, так плохо, я умираю. Прошу вас, помогите мне.

Шубин присел на лавку, в ноги к больному, делая вид, что размышляет над его предложением. Молчание подстегнуло немца, тот с трудом приподнялся и, мелко дрожа, простонал:

– Обещаете, обещаете, вы даете слово, что устроите меня в больницу? Я расскажу вам про «Вервольф»!

Разведчик протянул с неохотой:

– Ну тут, конечно, есть хорошая больница, где лечат командиров, офицеров, в общем, организованы особые условия.

– Да, да, особые условия, – закивал немец. – Именно это мне и надо.

– Ну хорошо, я скажу начальнику лагеря, что вас нужно туда перевезти, и договорюсь со знакомым врачом о лечении, – сдался Шубин. – Но только если вы не лжете...

Шульц не дал ему даже договорить, он зашептал быстро, торопясь выпалить спасительный секрет:

– В Маевске под старым кинотеатром построили бункер. Он сделан из толстой стали, не боится пожаров и бомбардировки. В нем хранятся важные документы, а если будет на-

ступление, то там смогут укрыться все наши генералы. Там есть запас оружия, специальный ход на крышу кинотеатра, чтобы отбивать атаки. Это крепость под землей! Стальная крепость! Вниз ведет ход через комнату оператора, там, где стоит аппарат с лентой. Никто, никто не знает о бункере, только члены правления гестапо и абвера. Здание выглядит совсем заброшенным, половина стен разрушена, а внизу тайный бункер. Все, кто его строил, были расстреляны! Чтобы никому не рассказали об этом месте. Понимаете, понимаете, какая это секретная информация? Она стоит лечения в хорошей, настоящей больнице. Ну же, герр доктор? Когда вы меня туда отвезете?

Марганцовка подействовала, и Андреас Шульц пришел в себя окончательно. Рези в животе закончились, к нему вернулась привычная угрюмость и резкая манера высокомерного служащего гестапо. Но такой мягкий доктор вдруг, вместо того чтобы начать суетиться и радоваться признанию, схватился за лацканы потрепанной формы. Лицо его было искажено ненавистью, которую пришлось скрывать всю ночь:

– Лечение захотел, чертов фриц? За жизнь свою испугался, думал, сейчас на перины тебя уложим, накормим досыта, а наши девчонки буду голодные сидеть?

– Ты обманул меня! Обманул! – догадался немец.

Он изо всех сил напряжился и кинулся на фальшивого врача. Только Шубина не так-то легко было напугать, хотя он после долгой ночи еле держался на ногах. Глеб дернулся

в сторону, перехватил кулак, летевший ему прямо в лицо, и отвел руку в сторону. От резкого взмаха со стола улетела со звоном лампа. Раздался грохот лопнувшего стекла, запахло разлившимся керосином, и прямо под ногами на деревянных половицах взметнулось пламя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.